

Для участника

**Всероссийская олимпиада школьников
муниципальный этап**

2021—2022 учебный год

Литература

10 класс

Максимальное количество баллов – 90.

Общее время выполнения работы – 6 академических часов (270 мин.)

Внимательно прочитайте задания. Ответы записывайте в тетради, в виде связного, цельного, завершённого текста в прозаической форме. Задания можно выполнять в любом порядке. Соблюдайте правила русского языка и нормы речи. Дополнительные материалы и средства связи использовать не разрешается.

Задание 1. Комплексный анализ литературного произведения

Проведите комплексный анализ *одного* из двух художественных текстов, помещённых ниже (прозаического Текста 1 *или* поэтического Текста 2). Учитывайте инструкцию к ответу, расположенную перед текстом произведения. Работу выполняйте в связной и логичной форме, опираясь на знания в области теории и истории литературы.

Оцениваются навыки анализа и интерпретации произведения, логико-композиционная цельность сочинения, владение понятиями и терминами литературоведения, обращение к историко-литературному и культурному контекстам, грамотность.

Текст 1.

Прочитайте рассказ Бориса Екимова (род. 1938) «Птицы божьи». Обратите внимание на систему основных образов произведения. Какие черты подчеркивает писатель во внешнем и психологическом портрете героя? Отразились ли в рассказе традиции русской классической литературы?

Борис Екимов

ПТИЦЫ БОЖЬИ

Центральная площадь районного городка была окружена двухэтажными домами, на которых поблескивали строгие, золотые по черному, вывески. Но приезжий хуторской народ, привыкший более к людскому слову, чем к писаному, норовил не по площади бегать, разыскивая, а у доброго человека спросить: где здесь почта, собес и прочее.

Лишь к одному из домов, тоже двухэтажному, но старинной кладки, солидному, обновленному блестящей модной плиткой, шли наверняка. Каждому было ясно, что именно здесь и размещаются районные власти.

На втором этаже, в просторном кабинете, один из хозяев этого дома, Баракин, собирался обедать. Уже в пальто и со шляпой в руках он подошел к окну, широкому, с хорошо промытыми стеклами, и глянул вниз, на площадь. За пробежавшей машиной взвилась легкая пыль. Двое ребят и девушка, школьники с портфелями, чему-то смеялись. Их легкие куртки были распахнуты, головы обнажены. И так славно они хохотали на

весенней солнечной площади, так чисто и легко, что Баракин тоже улыбнулся. “А может, и мне шляпу не надевать,— подумал он. — Ведь тепло”. И пошел к двери.

Возле стенного шкафа рука было потянулась, чтобы шляпу оставить. Но лишь потянулась, и только. Шляпу он надел как обычно, низко надвинул ее на лоб.

На обед он решил идти пешком. Недалеко, да полезно пешочком, моцион. А нынче и вовсе хорошо. В голых еще ветвях деревьев надрывались воробьи; от затона неслась веселая музыка; и солнце, такое солнце стояло... такой дух весенний, что никому, видно, в четырех стенах сидеть не хотелось. И потому у магазина и ларьковлюдно было. За пирожками — очередь, за мороженым — очередь, даже у газетного киоска толчея.

Ноги было сами понесли Баракина к этой веселой, весенней толпе. Но, подойдя ближе, он опомнился и, круто свернув, пошел стороной, сквером. Он не любил, когда к нему прилюдно приставал кто-то с просьбами и делами. Да и в такой толпе мог оказаться пьяный человек или настырный. И мог ляпнуть всякое, не поглядев, что люди вокруг. Так что следовало держаться от греха подальше.

Небольшой сквер с молодыми еще деревьями выходил к школе. Баракин любил школу. Он когда-то учителем был. И хоть нынешнее его положение нельзя было и сравнить с каким-то учительским, но он всегда со сладкой грустью вспоминал о тех давних годах. И потому сейчас он не улицей решил пойти, а через школьный двор, напрямую. Ему хотелось пройти через этот кипящий водоворот школьной перемены. Пройти, поглядывая на эту веселую красивую пацанву. Может, даже рукой придержать какого-то мальчугана, который с разбегу невзначай наткнется на него. На мгновение положить руку на взлохмаченную мальчишечью голову, улыбнуться на его испуг: “Ничего, мол, бывает” — и пойти дальше, чувствуя на ладони теплоту горячего детского пота.

Все обернулось по-другому. Только вошел Баракин во двор, как навстречу ему со ступеней крыльца уже спешил директор школы. И началось обычное, надоевшее...

Зазвенел звонок, и двор быстро начал пустеть. По тому, как старшекласники тщательно изучали циферблаты своих часов, Баракин понял, что на урок прозвонили раньше положенного, и, конечно, понял, что виноват в этом он. И тут уж вовсе ему расхотелось слушать директора, вместе с которым они отобрали у ребятишек счастливые минуты весеннего дня, первого и, может быть, лучшего дня.

После короткого разговора с директором через двор школы Баракин уже не пошел, а вернулся назад, на тротуар.

Идти было недалеко. На углу, уже поворачивая, Баракин заметил, что на террасе гостиницы, возле ресторана, толпятся люди. Там столики вынесли прямо на террасу и продавали пиво. При виде кружек с белой пенистой шапкой Баракин почувствовал, что во рту у него пересохло. И до смерти захотелось ему выпить сейчас кружечку-другую. Он даже представил холодную, обжигающую небо горечь. Представил и глотнул слюну.

Баракин приостановился. “А что, если подойти,— с отчаянной лихостью подумал он. — Подойти... Ну, конечно, узнают... Ну, и ладно. Выпить кружку залпом и сказать со смехом: “Теперь можно пообедать”. Все, конечно, рассмеются. И хорошо будет, как-то даже демократично”.

Но мысли мыслями, отчаянность отчаянностью, а не мог он, сам Баракин, конечно, не мог этого сделать. Пройти сейчас в гостиницу, в банкетный зал другое дело. Там все сразу оформят. Но ведь это не то, совсем не то. Сидеть одному, цедить пиво. Неинтересно. Вот здесь бы, на воздухе, на весеннем гомоне, на солнце.

Женщина в белом халате, что пивом торговала, оглянулась на Баракина. Раз, другой. На мужиков начала покрикивать, порядок наводить. Баракин поморщился, повернул на свою улицу и быстро зашагал.

Возле самого дома, почувствовав, что голова вспотела, Баракин остановился и, сняв шляпу, помахал ею, охлаждаясь.

Рядом скрежетнул тормозами автомобиль. Баракин обернулся. Дверца красного “Москвича” распахнулась, и из машины выскочил Нургалиев, председатель райпо.

— Ты чего? — недоуменно спросил его Баракин.

— Так вы же мне махнули, — улыбнулся Нургалиев. — Вот я и...

— Это не тебе, — вздохнул Баракин и снова шляпой помахал. — Жарко.

— Тогда извините. А мне показалось...

— Послушай, — сказал вдруг Баракин и еле сдержал улыбку, потому что мысль ему явилась неожиданно славная, немного мальчишеская мысль. — Послушай, ты куда?

— На звероферму.

— Это хорошо, — сказал Баракин, усаживаясь в автомобиль, и со сдержанной угрозой добавил: — Посмотрим, что у тебя там творится.

Нургалиев вел машину молча, но нет-нет да и поглядывал в зеркало на Баракина, словно пытаясь угадать, что у того на уме и с какой стати приспичило ему на звероферму переться, куда он и не заглядывал никогда. А Баракин, мысли эти понимая, про себя ухмылялся, но держался крепко, даже несколько сурово.

— У нас там перестройка немного идет... Весна... порядок наводим, — не выдержал наконец Нургалиев.

— Да это ясно... Это не ты первый придумал. Это я каждый день слышу.

Нургалиев замолчал.

Выскочили за город. Баракин опустил боковое стекло, но в лицо ему не живительный степной воздух пахнул, а ударило от зверофермы такой удушливой сладковатой лисьей вонью, что дыхание перехватило.

— Тьфу, черт, — закашлялся он.

— Это так, — сочувственно покивал головой Нургалиев. — Хоть противогаз одевай.

Возле конторы зверофермы “Москвич” остановился. Нургалиев дверцу машины открыл, подождал, когда Баракин вылезет, и повел рукой, приглашая начальство вперед.

— Ты давай иди, — сказал Баракин и, сняв шляпу, бросил ее на сиденье. — Ты делай свои дела. А я туда, — показал он в сторону лесопитомника, который лежал недалеко, за мостиком. — Я недолго, посигналишь, если что...

И он зашагал по дороге, оставляя растерянного Нургалиева и людей, что вышли навстречу гостям. И только на мостике, оглянувшись и никого не увидев возле красного “Москвича”, Баракин рассмеялся: что-то Нургалиев подумает, а вообще-то перекрестится, скажет, вон Баракин испугался.

А он ничего не пугался. Он и не думал на ферму идти. Просто в тот момент, возле дома, когда машина остановилась, ему вдруг захотелось вот сюда, в лесопитомник. Он здесь был как-то летом. Из Рюмина ехали и завернули напиться. В прошлом году. А потом яблоки ели, виноград, сидели у шалаша. Славно так было, покойно.

Пройдя через мостик, Баракин пошел берегом Лога. Там, в Логу, в густых зарослях тальника, еще лежал снег, серый как земля. Местами его покрывала мутная талая вода с грязной ноздреватой пеной.

Под ногами, в сухой белой траве что-то прошуршало, и Баракин бросился за этим шуршаньем, чтобы разглядеть или поймать. Шорох затих, и Баракин затаился, даже присел, выжидая. Но ничего не высидел.

Малой яркой вишенкой сверкнула в сухих стеблях трав божья коровка. Баракин нагнулся и осторожно взял ее, посадил на ладонь. Божья коровка заторопилась, побежала по пальцу вверх, к вершине.

— Божья коровка... — проговорил Баракин громко и оглянулся. Конечно, рядом никого не было, но закончил он не вслух, а про себя: “Улети на небо, там твои детки...” И все же услышала божья коровка, поверила, приподняла красные скорлупки, выпустила прозрачные крылышки и улетела. В небо.

А Баракин пошел дальше. Мимо кленов, чьи почки уже лопнули, и полезли наружу изжелта-зеленоватые культипки еще свернутого цвета. Вдоль шеренги высоких старых

тополей, молодой липучий лист которых еще был надежно укрыт жестким коричневым колпачком.

Ноги мягко утопали в палой листве, меж которой там и здесь лезли на белый свет зеленые травинки. Сдвинув носком ботинка листву, Баракин увидел, что земля уже густо поросла этой травой, правда бледной, жившей без солнца. И тогда он пошел косолапо, загребая башмаками листву. Две широкие борозды свободной земли тянулись за ним.

Яблоневый сад он прошел стороной, заторопился, увидев в низинке, возле желтой поросли сухого камыша, черные блестящие ветви.

Да, это была черная ольха. Ее сухие шишечки были, конечно, мертвы. Зато сережки, длинные набухшие зрелые сережки жили в своей самой счастливой поре. Баракин задел рукой ветку, и желто-зеленое облачко пыльцы медленно поплыло... в сторону, в сторону... и, оседая, к земле... Он еще одну ветвь так же тронул, и еще, а затем, ухватив две толстые, почти от комля идущие ветви, потрянул что было сил. Дерево вздрогнуло всем своим телом, до самой вершины, густо закурилось тяжелой зеленой пылью и долго не успокаивалось, дымилось.

От ольхи Баракин двинулся вдоль низины, напрямик, через заросли сухого репейника, и попал на тропинку, что вела к светлой песчаной дороге. Вдоль дороги, по правой, крутой ее обочине, поднимаясь вверх и вверх почти до вершин песчаных курганов, стояли тальники. Ветви их были усыпаны белыми сережками. Нынче, в солнечный день, сережки казались серебряными и сияли ясным, слепящим светом. А на одном из кустов крупные пушистые сережки были нежно-желты, словно новорожденные цыплята,— тальник цвел. И пчелы гудели в его ветвях, собирая самую первую и потому самую сладкую дань.

Баракин сел возле этого куста на песок, по привычке в карман полез за куревом, да вовремя опомнился. От цветущего куста наносило тонким, едва уловимым ароматом. А может, это чудилось Баракину. Здесь, в затишье, у подножья песчаного холма, солнцепек был мягко-зноен, и Баракина сразу разморило, он даже чуть задремал. Вот так же бывало, когда он учительствовал; по весне уходили они с ребятами в степь или займище. А устав, присаживались на солнышке. И обязательно кто-нибудь задремывал. Давно это было. И как всякое давнее, казалось таким счастливым. А может, и не казалось... Да что об этом думать: и былого не вернешь, и жизни вспять не поворишь.

И чтобы не ворошить себе душу, Баракин решил уходить. Пора было возвращаться. Но он поднялся не вдруг. Поглядел, как из подножия кустика сухого мертвого молочая пробиваются зеленоватые живые стрелки. Какие-то крохотные, в мышинный глазок, белые цветочки с четырьмя лепестками устилали землю. И всякая другая безымянная мурава лезла на свет.

Из-за поворота, по дороге от города, одна за другой выкатили три пароконные цыганские телеги с брезентовым верхом. Они, видно, недавно начали свой путь. Лошади были сыты и сильны, люди веселы. Увидев Баракина, двое ребятишек спрыгнули на землю и, подбежав, закричали:

— Дядя, дай закурить!

— А вы разве курите?

— Отец курит, отцу дай!

Баракин вынул из пачки две сигареты.

— И брату! И брату! — загалдели цыганята. — Бабушке тоже дай! Бабушка курит!

Одежонка на них была никакая, ноги босы. Но такой радостью блестели лукавые глаза, так хорошо они смеялись, белозубо, заранее радуясь неожиданному доходу, который, конечно, они не упустят, нет. Баракин отдал всю пачку.

— Спасибо, дядя! — крикнули ребята и легко помчались вдогон уходящим повозкам.

Баракин глядел им вслед. И вдруг вздохнул. Телеги покатают дальше и дальше, по весенней, а потом летней ласковой земле. И весь мир, лежащий вокруг на многие сотни

верст, весь этот мир с его пахучими травами, зелеными тенистыми деревьями, чистой водой, ясным небом, легким ветром, льдистыми ночными звездами — весь этот мир для них, для этих людей. А за что им такое счастье? И почему им? Почему он, Баракин, должен видеть этот мир лишь вот так, раз в год, а они, эти люди, живут в нем...

— Тоже мне, птицы божьи, — проговорил он вслух, и ему захотелось закурить, и он пожалел, что отдал сигареты.

— Птицы божьи,— повторил он, чувствуя, что наливается злостью. И, чтобы не распалить себя, он поднялся и быстро зашагал по дороге. Теперь он не глядел никуда. Шел и шел, к звероферме, к машине, к куреву.

Через короткое время он вышел из машины у подъезда. В дверях на мгновение приостановился: после светлого дня темным и каким-то угрюмым показался ему знакомый коридор. И лампочки лили какой-то грязный желтый свет. “Надо сказать,— подумал Баракин.— Ламп, что ли, поярче нет? Как в туалете повешали”.

И он вошел в коридор хозяйским твердым шагом, высокий, сухощавый человек в сером легком пальто, в серой, низко надвинутой австрийской шляпе.

Текст 2.

Прочитайте стихотворение Нонны Слепаковой (1936–1998) «Клятва». К какой теме обращено это произведение? Обратите внимание на поэтическую форму стихотворения: функцию повторов и перечислений, сюжетное развитие текста, его композиционное строение .

Нонна Слепакова

КЛЯТВА

Я клялась тогда не писать,
Я клялась не писать никогда,
Чтоб лесами считать леса,
Поездами считать поезда,
Я клялась не писать никогда.

Я клялась простым и зеленым,
Неподкупностью молока,
И рожденною под вагоном
Песней стали и ветерка,

И высоким запахом сосен,
И сырым от ступней песком,
И в две краски пустившим осень
Необузданным чудаком,

Всей своей теплотой непрочной,
Полноводным моим окном,
Тем, что щеки я не нарочно
Натираю твоим сукном,

Поведеньем нелегким женщин,
Загорелым стеклом машин,
Всем, что больше меня и меньше,
Всем, что просит меня: «Пиши!»

Той водою, что строит сушу,
Той землей, что идет на дно,
И сознанием, что всё равно
Эту клятву опять нарушу, —

Я опять поклянусь не писать,
Поклянусь не писать никогда,
Но услышу я голоса,
О, восходные голоса!
Но увижу я города, —
Превосходные города!

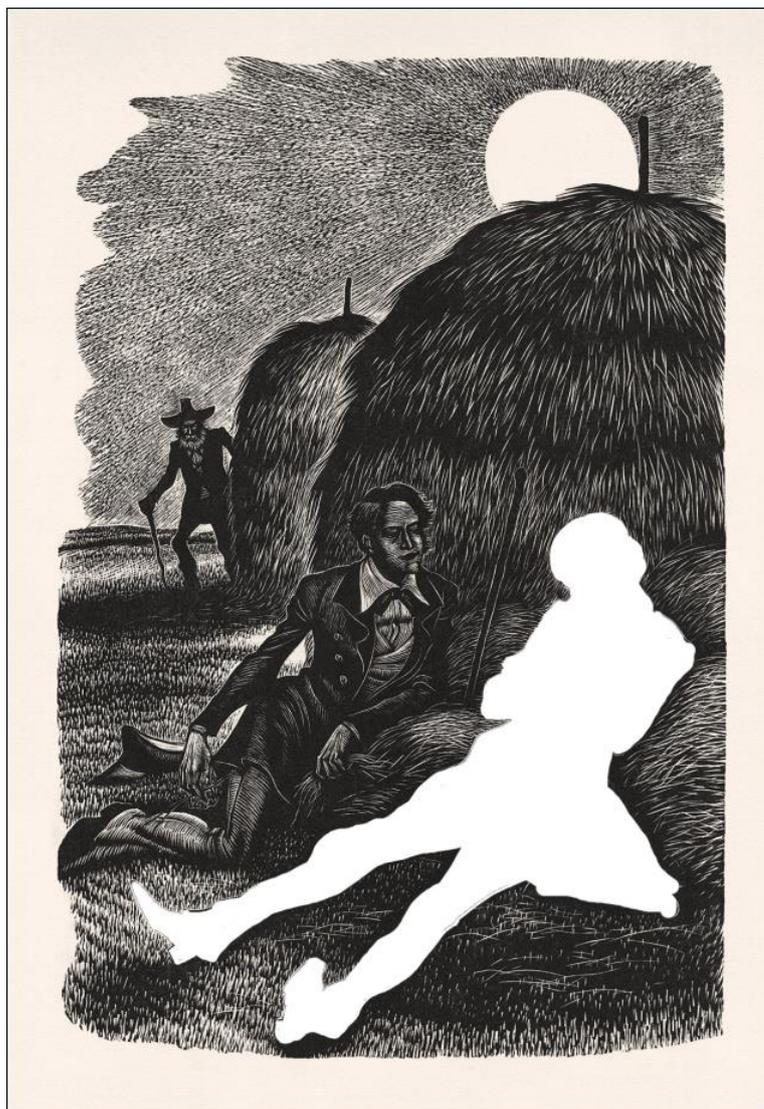
Это день, это день начался,
Что тогда я скажу, что тогда?..

Максимальное количество баллов — 70.

Задание 2. Пропавшая фигура.

Перед вами иллюстрация к книге известного русского писателя. Но главная фигура пропала, вместо нее вы видите белый силуэт. Определите, **какое произведение иллюстрирует данный рисунок и какой литературный герой был изображен** на месте пробела. Обоснуйте свой ответ, опираясь на детали рисунка и свои знания русской литературы.

А как бы вы проиллюстрировали соответствующий эпизод произведения? В каком изобразительном стиле? Охарактеризуйте композицию вашей иллюстрации, какие элементы и детали вошли бы в нее? Свой ответ обоснуйте.

Максимальное количество баллов — 20.